

ния: внимательно прочитать (или послушать) правило, чтобы осмыслить его содержание. Мышление есть непосредственный участник «вписывания» информации орфографического правила в образ мира ребенка.

У восприятия и мышления как бы разные «векторы». В первом случае познание идет под знаком объективности как «вписывание» его в образ мира. Во втором случае — под влиянием внутреннего «я» — как проекция человеком своих сущностных сил, своих потенциальных возможностей в явившийся ему (через образ мира) предметный мир. Однако образ многомерного мира и сам многомерный мир (благодаря созданию) есть полюса единой системы, развитие которой обеспечивается двумя встречными процессами, которые не могут существовать изолированно.

На этой основе происходит смысловое свертывание содержания орфографического правила, в результате чего осознается сначала основная суть каждой его части, а затем смысл всего текста правила в целом: происходит структурирование лингвистической информации, начинают действовать центробежные процессы, связанные с обработкой отдельных

фрагментов будущего собственного пересказа содержания правила, подбором собственных примеров.

III. Исполнительный этап речевой деятельности завершает многомерный, многоаспектный процесс осознания содержательной языковой сущности орфографического правила, способа орфографического действия при выборе правильного написания.

На этом этапе ученик, пересказывая правило, «переводит» его текст, который читал или слушал, «на свои слова» (Н.И. Жинкин) и соотносит его смысл с реальной ситуацией, с действительностью. Именно понимание действительности (лингвистической сущности), отраженной в правиле, умение на нее опираться в ходе письма является основной целью всей работы по изучению каждого орфографического правила.

IV. Этап контроля. Данный этап самый ответственный, поскольку главный показатель усвоения содержательной (лингвистической) сущности орфографического правила — это не его пересказ, пусть даже очень правильный и точный, а умение применять орфографические правила в ходе свободного письма на уровне навыка.

(Окончание см. в следующем номере.)

СОВЕРШЕНСТВУЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

В.П. МОСКВИН
Волгоград

О категориях морфологической СТИЛИСТИКИ

В статье рассмотрены виды стилистической окраски словоформ, причины ее появления, а также наиболее значимые для русского языка типы грамматических переносов.

Ключевые слова: *морфологическая стилистика; грамматическая форма; стилистическая окраска; грамматический перенос.*

Предметом морфологической стилистики являются выразительные возможности словесных форм.

Москвин Василий Павлович, доктор филол. наук, профессор Волгоградского гос. соц. пед. ун-та. E-mail: vasily-ms@yandex.ru

Определим их отношение к типам стилистической окраски. Появление у словоизменяемых форм экспрессивных окрасок, связанных с выражением эмоционально-оценочного отношения к предмету, вызвано действием ряда эстетических запретов, которые: 1) снижа-

ют частотность этих форм, отсюда использование помет «редко» и «употр. несвободно» при таких формах в словарях; 2) ограничивают их использование шутливо-иронической, а также бытовой речью, безразличной к эстетическим рекомендациям. Рассмотрим основные причины таких запретов и ограничений.

1. Артикуляционное или акустическое неблагозвучие, которое становится возможным: а) в шутливом тосте: *За сбычу мечт!*; б) в шутливых стихах: *Я еще полной своей поэтеню / Ложных кумирсов затмлю* (И. Иргеньев); *Я шестистишие Наташе напишу — / Бумагой шелещу, пером шуришу. / [Ш]тоб мысль не всполошить, старуюсь тише... / Шепча пером и рифмами шуриша* (В. Беспалько. «Шестиштишие»); в) в бытовом письме: *Если очучусь где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь* (С. Есенин. Письмо А. Берзинь).

2. Неясность. Дело в том, что форма низкочастотного слова, измененная чередованием, не опознается как принадлежащая его парадигме, ср. *дудишь, дудит, дудим, но дужу*. Аналогично: *обезопасить, елозить, куролесить* — неясн. *обезопасу, еложу, куролесу*. Это качество обыгрывается в шутливой речи: *Греюсь и дудю (дуду? дужу?) себе под нос что-нибудь интеллектуальное, вроде «Ах, вы, глазки (д) голубые, мне вас больше не-е-е видеть...»* (Ю. Даниэль. «Письма из заключения»).

3. Двусмысленность и паразитарные ассоциации, приобретающие особую силу, когда они: а) комичны: *убедить — убежу* (~убежать), *окрыситься — окрышусь* (~крыша), *бузить — бужу* (~будить), ср. шутл.: *Ты чего бузишь? — Кто, я бужу?* (В. Санников); б) неприличны: ср. *сопеть — соплю* (~вульг. *сопля*), *прыскать — прыскает*, устар. *прыщет* (~прыщ). Пренебрежение такими ассоциациями характерно для бытовой речи, просторечия и их стилизации: — *Не сразу, но постепенно я отца убежу, что хватит уже так надрываться на заводе* (Д. Калинин. «Дело гангстера боится»), но не украшает эстетически чувствительную речь, например, лирические стихи: *Я гнев твой догоню и гордость побежу* (Кленовский. «Ярмо»).

Назовем причины, по которым словоформы располагаются по краям шкалы

«высокое — низкое», приобретая тематическую окраску торжественности, риторической приподнятости или, наоборот, бытовой сниженности.

1. Архаизация, что вызвано действием закона речевой экономии, влекущим: а) упрощение языковой системы (например, уход категории звательного падежа); б) замену грамматических форм упрощенными вариантами, ср. *революцией* и устар. *революцією, учрежу* и устар. *учрежду*. Известно, что «церковно-славянский тип 1 л. ед. ч. на -жду от глаголов на -дить (побежду, наслаждусь, учрежду) к пушкинской эпохе сменился формами на -жу» [Обнорский 1940: 60] — скорее всего, ввиду отягощенности консонантными скоплениями. Архаические номинативно-выразительные средства, в силу их отрешенности от бытовой реальности, служат источником ресурсов высокого стиля. Таковы, в частности: а) формы утраченного русским языком вокатива: *отче, господи, Боже*; б) неблагозвучные формы: *виждь, внемли, побежду*; в) неусеченные формы творительного падежа: *твоей рукой, но десницею Божию*.

В тематически сниженных контекстах такие словоформы обретают бурлескный, иронический оттенок: *Придуманно было классом, что я в книге о державинской поэзии к последней строке «Фелицы» «И лицезреньем [в оригинале: лицезренья. — В.М.] наслаждусь» пририсую рифмующуюся с ней строчку «И табакеркой награждусь»* (Л. Пастернак. «Записи разных лет»).

2. Источником сниженных форм литературного языка являются солечизмы — грамматически неправильные формы, заимствуемые из просторечия:

а) формы мн. числа с ударной флексией -á/-я от имен существительных муж. рода 1-го склонения с консонантной концовкой: разг. *договора́, бухгалтера́* (при строго лит. *догово́ры, бухгалте́ры*); даже будучи кодифицированы, формы на -а/-я при наличии вариантов на -ы/-и «производят впечатление второсортности, стилистической сниженности» [Горбачевич 1978: 189];

б) формы избылиующих глаголов без чередований: допуст. разг. *колыхает, махает, щипает* и др. при строго лит. *колышет, машет, щиплет*;

в) экономичные формы деепричастий *заметя, увидя, возлюбя* (ср. *заметив, увидев, возлюбив*), возникшие в результате «смещения временных значений» [Граудина 1980: 221] по схеме: *видя* (наст. время) + *увидев* (прош. время) = *увидя* (контаминированная, т.е. появившаяся в результате смещения двух образцов, форма): *Мартышка, в зеркале увидя образ свой...* (Крылов);

г) разг. *такая холодина* при строго лит. *такой холодина*, поскольку родовая принадлежность существительных с суффиксами субъективной оценки определяется по роду производящего слова: *холод* (он) > *холодина* (он), *холодище* (он). Между тем окончания *-е, -о, -а* придают словам «черты сходства с существительными среднего и женского рода» [Граудина и др. 1976: 74–75]. Это обстоятельство служит источником шуточных выражений: *Если кофе оно, то и Фурсенко оно* (М. Задорнов).

3. Сниженный характер имеют формы, тематически связанные с «бытовым обиходом» [Копецкий 1970: 25], например, формы второго родительного падежа: (чашечка) *чаю*, ср.: *Вороне где-то бог послал кусочек сыру* (Крылов). Данный падеж характерен для гипокористических (т.е. уменьшительно-ласкательных) имен, свойственных народной речи: (немного) *сахарку*, (хлебнуть) *кваску*.

4. Сниженным оттенком обладают формы, свойственные «живой народной стихии» [Булаховский 1954: 62]. Таковы громоздкие формы деепричастий с суффиксом *-учи/-ючи* (ср. *играючи и играя*), в литературном языке употребительные при стилизации под фольклор: *Я умру, любовь проклинаючи, / Но и в смертный час воздыхаючи / О тебе, мой друг, моя душечка!* (Д. Давыдов. «На голос русской песни»).

5. К снижению либо выходу за пределы литературной речи ведет использование метаплазмов (т.е. приемов фонетической переделки слов): а) сокращения аффикса за счет усечения его концовки; б) сокращения словоформы за счет усечения аффикса. Сравним варианты форм: а) сравнительной степени прилагательных и наречий (*быстрее — быстрей, красивее — красивей*): суффикс *-ее* нейтрален, его усеченный вариант «создает некоторую сниженность»

[Еськова 1964: 242], «установку на разговорность» [Граудина 1980: 198]; б) инфинитива (*цвести — цвесть, везти — везть*): сниженность усеченных форм делает их достоянием разговорной речи и просторечия либо их стилизации: *Ну, некогда ни пить, ни есть, / Ни даже духу перевести* (Крылов); *После обеда бабы начали гресть* (Шолохов); в) императива (*порти — порть, поиди — подь, положи — положь*): редуцированные формы либо разговорны, либо просторечны; г) *5 килограммов — 5 килограмм, килограмм помидоров — килограмм помидор, 100 граммов — 100 грамм*: редуцированные формы разговорны. Сниженный характер имеет несклонение личного имени в позиции перед отчеством: *Встретил Николай Ивановича*. Здесь наблюдаем вербализацию — слияние словосочетания в одно фонетическое слово с единой флексией.

Рассмотрим функционально-стилистическую окраску морфологических средств. К разряду книжных принадлежат причастные и деепричастные формы глаголов, краткие формы прилагательных. Формы страдательного залога активно используются в специальной речи, а также при ее стилизации в художественной литературе для создания профессионального колорита, что, например, «характерно при описании действий каких-либо официальных лиц или учреждений» [Шмелев 1964: 90]: *К разбирательству было приступлено немедленно, с заметной спешкой. К двум часам было сделано многое. Были допрошены две бабы, пять мужиков и урядник* (Чехов. «В суде»).

В связи с таксономическим (т.е. родовидовым) дроблением понятий абстрактные и вещественные существительные принимают форму мн. числа: *риск* → *биосферный риск, экологический риск, кредитный риск* → *риски, стали* → *азотированная сталь, легированная сталь, нержавеющей сталь* → *стали*. Формы множественного видового имеют окраску научно-технической речи.

К сфере книжной морфологии следует отнести формы с высокой тематической окраской; формы же, нарушающие эстетические запреты, а также формы, характерные для сниженной речи, образуют разговорную морфологию.

Значимой категорией морфологической стилистики является грамматический перенос, или эналлага [греч. *εναλλαγή* 'изменение'], связанный с переосмыслением морфологических категорий.

Антимерия [греч. *αντί* 'вместо', *μέρος* 'часть (речи)'], или «частеречная эналлага» [Thomæ 1591: 94], состоит в употреблении одной части речи в значении другой. Так, в русском языке имя прилагательное регулярно применяется в значении имени существительного: *Как бы эфирное там веет меж листов, / Как бы невидимое дышит* (Жуковский).

Гетерозис [греч. *ετέροσις* 'изменение'] состоит в использовании одной грамматической формы в значении другой. Рассмотрим виды этой фигуры, значимые для русского языка.

1. Темпоральный перенос [лат. *enallage temporum*], в частности настоящее историческое – форма наст. времени, используемая в значении прош.: *Вот бегают дворовый мальчик* (Пушкин).

2. Количественный перенос [лат. *enallage numeri*], в частности:

а) перенос с единицы на множество [лат. *singularis pro plurali* 'единственное вм. множественного']: *Акация хорошо переносит жару*. За пределами специальной речи этот перенос имеет разговорный или просторечный оттенок: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром / Москва, спаленная пожаром, / Французу отдана?* (Лермонтов);

б) перенос с множества на единицу [лат. *pluralis pro singulari* 'множественное вм. единственного']. Виды этого переноса:

– множественное экспрессивное: разг. *Ты по театрам будешь ходить, а я с ребенком сиди? Это у вас собаки лают?* (об одной собаке) [Земская 2011: 84];

– множественное эмфатическое [лат. *pluralis intensivus*], применяемое в народной, разговорной, поэтической речи: *ветры, морозы, воды, ветра́, снега́*; ср.: *Идут белые снеги* (Евтушенко);

– вежливое *Вы* вм. фамильярного *ты*;
– королевское *мы* [лат. *pluralis majestatis*]: *Отсель грозить мы будем шведу* (Пушкин);

– авторское *мы*, характерное для научной речи;

– множественное скромности [лат. *pluralis modestiae*] – замена формы ед. числа глагола формой мн. числа в определенно-личных предложениях типа *Произведем эксперимент*, что также характерно для научного стиля;

в) перенос с определенного количества на неопределенное [лат. *finitus numerus pro infinito*] – осмысление имени числительного как обозначения неопределенного множества, в частности как основа нумеральной гиперболы: *Не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же?* (Гоголь).

3. Полипробозон [греч. *πολυπρόσωπον* 'многоликий'] – переосмысление категории лица. Так, местоимение 3-го лица в применении к адресату выражает гнев, предполагая наличие воображаемого свидетеля: *Ты посмотри на него! Я говорю, а он отвернулся*. Употребление имени адресата в значении местоимения 2-го лица выражает почтение:

Цезарь: *Не позабудь коснуться в быстром беге Кальпурний; ведь старцы говорят, Что от священного прикосновения Бесплодие проходит*.

Антоний: *Не забуду. Исполню все, что Цезарь повелит.* (Шекспир).

Лонгин отмечает, что «автор нередко принимает личину своего героя» и, «переходя от одного лица к другому», говоря их языком и от их имени, «становится многоликим».

Видом данной фигуры является иллизм [лат. *ille* 'он'], состоящий в упоминании о себе в 3-м лице. С этой целью используются имена: а) нарицательные: *Да, Президент Российской Федерации получил от верхней палаты парламента право использовать Вооруженные Силы на Украине* (Речь В. Путина); б) собственные: Цезарь. *Кто из толпы сейчас ко мне взывал? / Пронзительнее музыки чей голос Звал – «Цезарь!» / Говори же: Цезарь внемлет* (Шекспир). Иллизм, создающий «видимость объективности», считается «приметой высокого трагического стиля» [Martindale 1990: 151].

4. Гендерный перенос [лат. *enallage generis*] – переосмысление категории рода. В русском языке имена су-

ществительные муж. рода регулярно используются в значении жен. рода ввиду отсутствия в русском языке стилистически нейтральных суффиксов, обозначающих женщин по профессии: *Наша врач пришла*. Данный тип переноса является источником двуродовых имен.

5. Модальный перенос [лат. *enallage modi*] – переосмысление категории наклонения: *А ну отошел от лужи!* (мать – ребенку), ср.: *Отойди от лужи!*

Считается, что «стилистические возможности морфологии очень ограничены» (см., например: [Гвоздев 1965: 111; Кожина 1983: 118; Кожина и др. 2008: 217]). Данное суждение трудно принять с точки зрения многочисленных фактов, приведенных и рассмотренных нами выше.

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М., 1954.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М., 1965.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М., 1978.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. – М., 1980.

Граудина Л.К., Ицкович В.А.,

Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.

Еськова Н.А. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 2011.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1983.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М., 2008.

Копецкий Л.В. Типы склонения русских существительных мужского рода // Вопросы языкознания. – 1970. – № 3.

Обнорский С.П. Ломоносов и русский литературный язык // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1940. – № 1.

Шмелев Д.Н. Слово и образ. – М., 1964.

Martindale Ch., Martindale M. Shakespeare & the uses of antiquity. – London, 1990.

Thomæ Linacri Britannii De emendata structura Latini sermonis libri VI. Accessit Libellus eiusdem Camerarij de arte grammatica, & figuris dictionum. – Lipsiæ, 1591.

А.А. МУРАШОВ

Беларусь,
Гродно

Диалог с прецедентным текстом как фактор стимулирования творческого мышления

В статье анализируется роль прецедентного текста как средства превращения реципиента в сотворца, что призвано повысить творческий потенциал учащихся.

Ключевые слова: *прецедентный текст; читатель-реципиент; стилизация; творческий потенциал.*

Как показывает практика стимулирования креативного акта, он возникает наиболее очевидно, если имеется

Мурашов Александр Александрович, доктор пед. наук, кандидат филол. наук, профессор ГрГПУ. E-mail: alexm55@rambler.ru

прецедентный текст, энергетическое поле которого оказывает влияние на текст создаваемый. Стремление к биному «текст прецедентный – текст создаваемый» – генератор креативности. «Исторический, групповой и личный опыт реципиента вступает в столь активное взаимодей-